

О ЧЕРНИХОВСКОМ

Осенью 1921 г., в Москве, Андрей Соболев сказал мне: "Напишите Черниковскому. Он в Одессе, умирает от чахотки".

Потом прошел слух, что Черниковский умер.

Потом мы встретились в Берлине. Я ожидал увидеть изможденного человека, едва ускользнувшего от смерти. Но – в комнату врывается коренастый, крепкий мужчина, грудь колесом, здоровый румянец, оглушительный голос, стремительные движения. Не снимая пальто, усаживается на подоконник, говорит быстро, хлопая себя по коленке и подкручивая лихие казацкие усы. У него военная выправка и хороший русский язык с легким малороссийским акцентом. Ничего поэтического и еще меньше – еврейского. Скорее всего – степняк-помещик из отставных военных. Такие люди хорошо говорят об окрошке.

Милый Черниковский! В окрошке он ничего не смыслит. Он говорит исключительно о Гомере, об ассирийском эпосе, о книге Бытия и с жаром разоблачает литературные плагиаты, сделанные не менее трех тысяч лет тому назад.

Непосредственное чувство уводит Черниковского далеко от современности. Свои переживания одевает он в образы глубокой древности. Лирика Черниковского рисует нам человека, погруженного в видения древней Иудеи ("Паломница", "Смерть Тамуза", "Был царь в Иешуруне" и т.д.) или поющего гимны богам: Астарте и Вэлу. Казалось бы, в связи со своим содержанием, его лирика должна воскрешать древние поэтические формы, быть в значительной степени стилизацией. Но – как раз этого и нет. Архаические переживания Черниковского высказаны в очень современных стихах, с рифмами, с самой модернизированной инструментровкой, с поздней строфикой. Многим придана даже сонетная форма. Поэтика Черниковского обогнала его самого: он еще в древности – она успела пройти все времена, вплоть до наших.

Казалось бы, его эпические создания еще более должны уводить нас в глубь веков. Не пророки ли, не цари ли должны проходить перед нами в эпосе Черниковского? Не тут-то было. Как раз в своем эпосе Черниковский показывает нам современников. Место действия – Украина. Резники, торговцы, раввины и канторы провинциальных синагог, хлопотливые хозяйки, кантонисты, литовские меламены, уличные ребятишки, русские мужики – вот герои идиллий Черниковского.

Наш современник, он в лирике, в выражении своего переживания, уходит назад, знаток древнего мира, в эпосе дает он картины современной жизни. Замечательно, что и в области эпической формы остается он в своей противоречивой природе: в то время, как его архаические переживания облечены в модернизированную форму, современные образы своего эпоса он описывает в старинной форме гексаметра, что, впрочем, в сочетании с древнееврейским языком, создает лишь новый анахронизм.

Черниковский с необыкновенной любовью, зоркостью, выпуклостью живописует жизнь местечкового еврейства. Но замечательно, что при этом он не только пользуется гексаметром, но и нарочно подчеркивает "гомерический" дух своих идиллий. Обстоятельность описаний вообще, одежд, пиров и обедов в особенности; плавность рассказа, любовь к подробностям; невозмутимо серьезное лицо повествователя там, где важность его тона комически оттеняет захолустное убожество событий; постоянные рефрены (особенно в "Свадьбе Эльки") – все это упорно должно наводить читателя на сопоставление малого с великим, героев Черниковского с героями Гомера. Смысл этих идиллий не только описательный, но и философский. Постоянно наталкивая читателя на воспоминания о Гомере, Черниковский как бы хочет подчеркнуть, что меняются только внешние облики, а сущность жизни человека всегда одна, и разница между Навсикаей и Элькой не так-то уж велика. Примечательно, что своим сравнениям Черниковский любит придавать анахронический характер. Мордехая ("Свадьба Эльки"), который никак не может отделаться от разговоров назойливого гостя, Черниковский сравнивает с осажденной крепостью, а гостя с врагом. Но враг этот не пользуется современными военными орудиями, а "бьет из баллист, катапульт и тучами стрелы пускает". Таких примеров можно привести несколько.

Насколько прочно связано лирическое чувство Черниковского с древностью, еще раз убеждаемся при чтении его эпоса. В его идиллиях находим два места, которые можно назвать лирическими отступлениями. Первое – в "Завете Авраама" (глава I), второе – в "Свадьбе Эльки" (песнь IV). И вот оказывается, что оба отступления сделаны на тему – древность.

Только два раза прерывает Черниковский эпическое течение своей идиллии, только два раза повествовательное описание событий уступает место авторскому раздумью – и оба раза лирический момент оказывается связанным с